

“Я справлял тризну по нашему поколению”

Лит. газета. - 1998. - 28 окт. - с. 12

По официальной версии, Осип Мандельштам погиб во Владивостоке 27 декабря 1938 года. 60 лет спустя там же, во Владивостоке, состоялось открытие памятника поэту. Наш корреспондент беседовал с Андреем Битовым сразу после его возвращения в Москву.

— Андрей Георгиевич, ваше присутствие на открытии памятника было сугубо личным делом? Или носило более или менее официальный характер?

— Ну как вам сказать... Я имею некоторое отношение к этому проекту. Дело в том, что это вторая моя поездка — первая была год назад, день в день. Владивосток еще тогда произвел на меня сильное впечатление — океан, природа, люди. Особенно люди. И не потому, что в провинции больше ярких личностей, чем, скажем, в Москве или Питере, нет, но в столицах человек как-то снисвелирован, а там проявляется в чистом виде. Вот одним из таких людей и оказался скульптор Валерий Ненаживин. Такая вот фамилия, вполне соответствующая характеру. В свое время Солженицын отметил, что многие прокуроры носили говорящие фамилии — Казнин, например. И правда, фамилия часто отражает какие-то сущностные, наследственные качества человека — борец Медведь, балерина Семеняка... А он вот — Ненаживин. Он у себя во дворе поставил удивительный памятник Мандельштаму.

Дело в том, что скульптору этому когда-то совершенно случайно попались на глаза стихи Мандельштама. И настолько потрясли его, что он создал вот этот памятник — из стихов. Без всякого социального заказа, по зову сердца. И в прошлом году, во время первой своей поездки, я эту скульптуру увидел. Потрясающая вещь: с одной стороны, это памятник совершенно конкретному человеку — скульптор поименно назвал его, с другой — защитную повадку поэта, но, с другой стороны, это самый потрясающий, самый человеческий из всех виденных мною мемориалов, памятник просто зек: стоит изможденный, измученный человек в бесформенном пальто, в каких-то чухнях...

— Насколько я понимаю, даже чтобы перенести скульптуру из мастерской в город, нужно пройти кучу инстанций, да и деньги требуются немалые...

— Произошел чисто гоголевский поворот — меня приняли если не за ревизора, то за Хлестакова. В общем, за важную птицу. И я имел аудиенцию и у мэра, и у губернатора. Ну и завел разговор от имени Мандельштамовского общества и ПЕН-клуба о том, что близится шестьдесят лет со дня гибели поэта, что памятник надо бы поставить. И они согласились. Тогда же родилась идея международной конференции, приуроченной к открытию памятника. А дальше все, как обычно, стало тонуть в административных болотах. Вдобавок на Владивосток обрушился экономический кризис...

— И как же спасти проект?

— Нашелся еще один замечательный человек — Александр Колесов, главный редактор и издатель дальневосточного альманаха “Рубеж”. Кстати сказать, очень качественное издание, возрождающее региональную культуру да еще и освещающее судьбу русского зарубежья. Ведь Владивосток был в свое время точкой Исхода, через него прошло множество выдающихся людей.

В общем, я погарцевал и уехал, а на долю Колесова досталось вытязательное этого сюжета из добродетельного согласия начальства. А я писал письма. В результате все, разумеется, пошло вкривь и вкось, международная конференция не состоялась. Но фильм, посвященный судьбе этого памятника, снять все же удалось, несмотря на то, что у канала “Культура” сейчас дела идут не блестяще, но мне и тут пошли навстречу, выделили небольшую группу, мэрия перечислила средства, а мы впятером вылетели во Владивосток. А тут во Владивостоке случился еще один кризис, на этот раз политический.

Действующего мэра Черепкова отстранили от выборов — всем стало не до памятника. Но тут владивостокцы проявили поразительную солидарность — вычеркнули всех кандидатов, выборы оказались недействительными, мэр остался прежним и, даром что представитель власти, оказался человеком слова; памятник установили за два дня. То есть на деле его просто перенесли с места на место, но 1 октября открытие состоялось. Будет куда прийти и 27 декабря, и на следующий год, когда чис-

полнится сто лет со дня рождения Надежды Яковлевны Мандельштам — она ведь и сама великий писатель.

— Судя по вашему рассказу, памятник и впрямь замечательный. Но ведь и место должно ему соответствовать...

— Место нам определила мэрия. Может быть, не самое удачное — поскольку там, где погиб поэт, поставить памятник невозможно. На месте зоны теперь находится воинская часть, опять же с колючей проволокой. Но все-таки удалось поставить памятник неподалеку от места гибели, на возвышении, и, как говорят, там растут единственные во всем городе сосны. В идеале хорошо бы его перенести на территорию этой самой воинской части — она же не вечна. Там еще сохранились бараки, которые помнят Мандельштама. Организовать музей... Ведь даже если нельзя отделить его кости от миллиона других, то, что он погиб там, на этой пересылке, доподлинно известно.

— А как приняли памятник местные жители?

— Многим он показался странным. Мы говорили с людьми... Одна бабка все возмущалась, что такой худой, что такой страшный, почему глаза закрыл... А потом, перед нашим отъездом, подошла и сказала, что до глубокой ночи присматривает за ним, чтобы чего не случилось... В общем, я надеюсь, что он там приживется.

— А когда мы увидим фильм?

— Надеемся показать его 27 декабря. “Конец пути” — о судьбе и гибели поэта. Вы знаете, там, во Владивостоке, есть еще один весьма примечательный памятник — такой столбик с цифрой 92-88. Здесь кончается Россия, кончается великая дорога до Океана, которую строили в начале века. Страна тогда была на подъеме, казалось — для чего строить, как не для освоения пространства... оказалось, для гулаговских шелонов; чтобы сорок лет спустя по ней проехал Мандельштам — до конца своего пути. Вообще все странно. Два дня назад я еще купался в Океане... А 29 сентября весь день таскался по военным судам и тюрьмам, защищая несправедливо обвиненного Григория Пасько. ПЕН-центр старается ему помочь. А вчера я играл джаз.

— Играли? На чем же?

— В качестве голоса. Вместе с Владимиром Тарасовым, литовским гражданином и великим барабанщиком. Мы в литовском посольстве исполняли композицию, основанную на черновиках Пушкина. Я давно испытывал интерес к его черновикам, а сейчас нашел такой вот нетрадиционный способ их читать — там такая музыка, такое напряжение, едва ли не большее, чем в хрестоматийном их, окончательном варианте. Читаю, казалось бы, общеизвестные тексты, а получается что-то совсем другое. А уже вокруг этих текстов импровизируют музыканты...

Вообще это уже не первый подобный опыт. Впервые “Пушкинбэнд”, как мы его в шутку называли, возник немножко в ином составе 10 мая этого года в Нью-Йорке. Композицией из шести стихотворений Пушкина мы завершили фестиваль памяти Сергея Курехина — все лучше, чем официальная говорильня. Потом ездили в Петербург, читали на тамошнем филфаке черновики вступления к “Медному всаднику”... Еще рассчитываем в том же составе выступить на двухсотлетию... Иными словами, то, что раньше было уделом академиков, стало всеобщим достоянием. А помогла музыка.

— Мы давно знаем Битова-прозаика, теперь перед нами обозначился Битов-музыкант.

А какой еще неожиданный Битов может предстать перед читателем?

— Недавно в издательстве “Пушкинский Фонд” вышла моя книга “Дерево”. Это, выражаясь высоким слогом, апология поэзии как таковой и оправдание моих собственных стихотверческих опытов. Там собраны и мои эссе о природе поэзии, и стихи, а потому книга получилась цельная. Пожалуй, ее можно назвать итогом моих застенчивых признаний в любви к этой музе, своего рода биографией — к концу книга приобретает все более дневниковый характер. Статьи, компакт “9 дней по Булату” стал последней звучащей страницей этой книги.

Издательство “Панорама” недавно выпустило мои повести — очень престижное издание. Но все эти вещи уже публиковались, просто впервые собрались под одной крышей. А вот в “черной серии” издательства “Вагриус” появилась совершенно новая для меня книга — “Неизбежность ненаписанного”. Пожалуй, ее можно назвать автобиографией, но скорее, это попытка отыскать собственное “Я”, определиться. Дело в том, что я пишу в основном от первого лица и сам постепенно стал утрачивать ощущение — где я сам, а где условное, авторское “я”. И для того, чтобы как-то их разграничить, я выстроил книгу как совокупность текстов 1956 — 1998 годов, написанных от лица “своего собственного я”. При этом я придерживался хронологии написания, а не самих событий, полагая, что последовательность изменения стиля тоже до известной степени является фактом автобиографии. Извлек из архива неоконченные свои вещи — нашел способ их опубликовать.

— А вы не боитесь, что ваш читатель, привыкший к филигранной выделке битовской прозы, новый Битов оттолкнет этой своей спонтанностью, “нехудожественностью”?

— Когда я взялся за “Жизнь без нас”, я понимал, что очень рискую, но не мог иначе. Я справлял тризну по нашему поколению, это книга ненадуманная, написанная самой жизнью. Здесь я намеренно отказался от художественности, от “высокого стиля” — собственно, в эссе “Без языка” говорится именно об этом. Да, я подставился. Сознательно. Но я не считаю это своим поражением — напротив... Я обрел свободу... А что до читателя — что ж, это обычный эффект... От автора ждут повторения пройденного, эксплуатации когда-то найденного приема или стиля, а он всегда обманывает ожидания.

— Можно ли сказать, что вы исповедуете философию черновика? Если прибавить к этому ваши опыты с текстами Пушкина...

— Да. Совершенно верно. В сущности, я давно задумывал подобную книгу... историю о том, как я не написал роман. Да, черновик... собственно, вот пример — я работаю с каким-то отрывком на компьютере, нажал случайно не на ту клавишу — и машина мне выдала весь массив текстов, казалось бы, расположенных в случайном порядке. Наброски, какие-то фразы, отрывки... И на проверку набор этот оказался вполне осмысленным... подписание само выстраивает текст в упорядоченную структуру. Ведь и с Пушкиным то же самое... Неоконченные вещи дышат особым очарованием. Такая вот получилась хитрая книга. А завершается она моим самым первым и самым последним воспоминанием.

— И какой период они охватывают?

— Последний текст датирован 1998 годом. На это стоит обратить внимание — раньше выхода книги

приходилось ждать годы, если десятилетия, а тут уже спустя месяц после того, как я просил последнюю дату, она появилась на прилавках. Нужно сказать, что лишь теперь я понял истинное назначение редактора.

Мне и раньше встречались мечательные редакторы, но то они были лодчанами в море цзуры, и все их силы уходило на чтобы провести рукопись м всеми рифами с наименьшими потерями. Теперь же редактор известной степени соавтор. И же теперь, задним числом, я вижу что поспешность не всегда идет пользу — скажем, некоторые и мне пришли в голову, когда у поздно было вносить поправки.

Скажем, книга нуждается в разделах, которые можно бы озаглавить “Оттепель”, “Лодной застой”, “Зрелый застой”, “Поздний застой”, “Перестройка”, “После путча” — на каждый период по 7 лет, всего 42 года, представляется, какой это срок? это время успело сформировать новое поколение! Насколько получилась эта книга, судите мне. Но для меня является подком — после того как я сумел с лотить “блок империи в четы измерениях”. В общем, очень хочется прибратся... эта книга могла мне прибратся...

— Тем не менее вы всегда бегали завершенности...

— Теперь, с позволения сказать, на пенсии (хотя до сих пор не оформил), я могу делать то, давно собирался, — скажем, дописать “Преподавателя симфонии”. Это такая вещь, ее можно писать сколько угодно.

— Дай-то Бог... Для нашего поколения ваши книги значат очень много. Но ведь сегодня еще и президент ПЕН-клуба...

— Я никогда не занимался общественной деятельностью, но Пичем не противоречит моим убеждениям, я никому не подотчен, кроме совести. Это правительственная организация. Мы за два да вытащили из несправедливых те человек тридцать — хороший показатель. Хотите чего-то или не хотите, стить какие угодно планы, но судьба тебе предлагает, ты обязан. Ты уже не можешь, не имеешь права отказаться. А мне в дни путча такая вот выпала карта.

— Если уж речь зашла об обязанности — в чем, по-вашему, долг писателя?

— Гласность в свое время хорошо поработала, правда стала достоянием множества людей — теперь снабжать людей информацией должны те, для кого это входит в круг обязанностей: журналисты, юристы. А писатель должен делать то, что он умеет лучше всего, — сочинять. Идеальная ситуация для общества, когда каждый занимается своим делом. У нас раньше было как? Сначала все занимались одним и тем же, потом все занимались всем...

— Уж так ли идеальна нынешняя ситуация?

— Вы знаете, если говорить об идеологии, то я, пожалуй, эталон “конституционный анархист”. Собственно, до какой-то степени в последние годы мы и жили при такой конституционной анархии — все диктовала жизнь, а не очередной дрессированный козел, ведущий на живодерню. Я летел из Владивостока с очень интересным человеком, заслуженным изобретателем России, он специально отложил свой вылет, чтобы присутствовать на открытии памятника, положить цветы.

Так вот, мы с ним беседовали о всяком-разном, и он, в частности, сказал, что человечество подошло к такому рубежу, когда самыми страшными преступлениями должны считаться, как он выразился, “опыты над человеком” — вовлечение людей в широкомасштабные авантюры. До тех пор, пока люди будут верить, что их спасет очередная идея, жить будет страшно.

Но у нас народ (затертое слово!) все же прошел школу свободы, пока власти занимались делом пирога. В России вообще власти никогда не дотягивали до категории, оставаясь материей. Что будет дальше, не знаю. Сейчас стало хорошим тоном жаловаться на жизнь. Но надеяться на сильного лидера, который куда-то позовет и что-то пообещает, я бы не посоветовал.

Такая страна! Я пролетал над ней — изумительная страна! Хватит ее трясти. Ну дайте же людям возможность просто жить! Беда в том, что власти бестолковы, а люди все еще по инерции режима на что-то надеются, чего-то ждут. Вероятно, этому все же когда-нибудь придет конец — ведь людям, для которых Советы уже история, сейчас 15 — 18 лет! Может быть, это и справедливо, что вымирает мое поколение... уже мое поколение.

Беседовала М. ГАЛИНА